

Галина Маркус

СИНЯЯ КНОПКА

— Сергеевна! За подарками-то пойдёшь? Давай, поползли!

Вопрос сопровождался несильным толчком в бок — не на каждое слово Вера Сергеевна теперь соглашалась повернуться. Большую часть дня она проводила, лёжа лицом к стене. Было зябко, но двигаться не хотелось. Все занятия свелись к одному — ковырять обильно отшелушившуюся со стены краску. Стена была противного коричневого цвета, а под старой краской — другая, синяя, тоже растрескавшаяся. Вставала Вера Сергеевна нынче только в столовую да в туалет. Впрочем, о туалете лучше не вспоминать — она терпела столько, сколько могла, чтобы отсрочить поход «по нужде». По этой самой причине и есть старалась поменьше. А если добрая Наденька с кухни приносила еду прямо в «палату», как мысленно называла Вера Сергеевна помещение, в котором ей предстояло провести остаток жизни, то и вовсе не стоило выходить.

— Смотри, опять самое лучшее разберут, — добавила Анна Ивановна.

— Ох, Аннушка, скажете, тоже... — пропела нежным, как у девушки, голоском Зинаида. — Ну как там можно разглядеть — что лучшее, что не лучшее? Я, например, рада всему — люди старались, тратили своё время, собирали для нас подарочки...

— Да положили всякую чепуху, дешёвку, чего не жалко, — пригвоздила Анна Ивановна. — Совесть перед праздником успокаивают.

Анна Ивановна в прошлом преподавала биологию в поселковой школе и слыла тёткой прямой и жёсткой.

— Ложуть то, что разрешено, — вздохнула тётя Дуся, как называли её все, даже ровесники. — А если кому чего подороже положуть, другие расстроятся, обидятся... Вот как с моей шкатулочкой получилось...

Даже не поворачиваясь, Вера Сергеевна отлично представила, как по круглому, испещренному морщинами лицу тётки Дуси покатилась слеза. Действительно, отвратительная история случилась тогда со шкатулочкой. Вот только «другие» тут были ни при чём. Умнее надо быть, не ставить на всеобщее обозрение такую перламутровую красоту — как будто забыла про заgreбушие ручки Тоньки... Тяжёлые ручищи. Уколы у неё получаются такие, что потом вся задница отваливается. Да ещё и скажет какую гадость, типа: «И чего вас, старпёров, колоть, на тот свет пора, а всё туда же — коли их, лечи! Да стой ты нормально, а то так засажу — не сядешь!»

«Она потому такая злая, что у неё личное горе», — качала головой интеллигентная Зинаида, и три оставшиеся на её лысине завитушки сочувственно тряслись. Завивалась Зинаида регулярно, без кудряшек, а также без подведённых стрелочкой губ, нарисованных бровей и густо наложенных румян «в люди» — то есть в коридор — не выходила.

Медсестре Тоньке, конечно, не позавидуешь. Мужа у неё никогда не было, дочке сразу после рождения поставили отставание. Раньше, когда Вера Сергеевна ещё покидала палату, она часто встречала Лизочку в «красном уголке», как называлась комната для культурного времяпрепровождения. Комнату украшало старое пианино без педалей и нескольких клавиш, потасканный аккордеон, две книжные полки и бюст Ильича, разрисованный неким дедом-хулиганом так, что идеал прошлого стал выглядеть устрашающе — особенно по вечерам, при тусклом освещении. Один зуб у него залезал на губу, правый глаз был замазан чёрным, левый тарасился, а незаурядный лоб венчало неприличное слово.

Восьмилетняя Лизочка в школу не ходила, должно быть, не взяли. Обычно она сидела в развалившемся кресле под полками и резала разложенные на столике книги. Вырезала страницы из одних, клеивала в другие. Замечаний девочке никто не делал — с Тонькой никто не желал связываться. Странно, что умственно отсталому ребёнку доверили ножницы, но...

Вера Сергеевна детей всегда любила, да и они к ней тянулись. Пробовала она заговорить и с Лизочкой, но та только подняла на неё бессмысленный взгляд, посмотрела пару секунд и продолжила, высунув язык, поливать клеем одну из статей того самого «вечно живого», взирающего с постамента на это кощунство единственным глазом.

— Ты зачем это книжечку режешь? — ласково спросила её Вера Сергеевна.

— Порченые, — прогнусавила вечно сопливая Лизочка. — Чиню.

— Как же ты их чинишь, ты же странички из них вырезаешь, книжечке больно...

— Порченые, — повторила Лизочка.

Рядом лежала старая подшивка сатирических журналов. Лизочка соскребла со стола вырезанного (как ни странно, очень даже ровно) зелёного крокодила и принялась густо мазать клеем его изнанку. Как поняла Вера Сергеевна, именно ему предстояло украсить «Письма к съезду». Вождей Вера Сергеевна разлюбила давно, но вот не могла она, когда так с книжками... Читала она раньше с удовольствием, «Граф Монте Кристо» там или «Повести Белкина» и вот ещё про Хаджу Насреддина помнит... да много проходило тогда интересного через её руки: сотрудники приносили подлечить книжки, сброшюровать журналы, в которых печатались романы с продолжением. Вера Сергеевна к печатной продукции относилась с пиететом, любовно. Вот и неприятно ей стало разговаривать с Лизочкой. Но она тут же себя одернула: ребёнок-то не виноват. Господь ума не дал, а мать её и вовсе не воспитывает.

— Хочешь конфетку, деточка? — Вера Сергеевна, помнится, полезла тогда в карман за батончиком. Диабета у неё, слава Богу, не было, как у Дуси, а любимые батончики дочка привозила частенько.

— Хочешь конфетку, старая клюшка? — с трудом выговаривавшая слова Лизочка, однако, уже обучилась от матери хамству. Снова подняла

свои непонятные глаза и конфетку из протянутой руки не взяла. Посмотрела, посмотрела да опять принялась за дело. Вера Сергеевна даже ругаться не стала — а смысл, если ребёнок не понимает, что говорит.

К Тонькиной грубости все привыкли. Подопечные у неё звались исключительно старыми клюшками, кошёлками или мешками с дерьмом; прибавляла она и матёрку. Жаловаться — только себе дороже. Из трёх медсестёр в учреждении осталась она одна и работала за сущие гроши. Уйди Тонька — и некому будет бинтовать, колоть, переворачивать. Палате Веры Сергеевны ещё повезло — у них нет лежачих. Благотворительных памперсов хватало ненадолго, и наступал момент, когда... «Опять обосрался, старый хрен! Когда же вы сдохнете все!» — неслось из конца коридора, если кто из сердобольных соседей не успел подать лежачему утку.

...Так вот, завидев шкатулочку, невероятным везением оказавшуюся в прошлогоднем подарке тёти Дуси, Тонька сразу же заявила: «Неблагодарные вы, бабки! Я вам уколы... а нет чтоб на Новый год подарочек мне? Я бы хоть Лизке дала, ребёнка порадовала! А вам, кошёлки, для чего эта красотища?»

Никто не осмелился спросить Тоньку, а для чего эта красотища ничего не понимающей Лизочке. Нельзя так с Тонькой, а то ещё сделает в следующий раз укол «от души» да пожелает скорее преставиться... «Молчание — знак согласия», — констатировала Тонька и подарок экспроприировала. А тётя Дуся, вспоминая свою шкатулочку, до сих пор заливается слезами.

— Зато у тебя детки здоровые, умненькие, — утешала её Зинаида.

— Только где они — эти умненькие-то? — тут же добавляла дёгтю Анна Ивановна.

Сын у Дуси с женою развёлся, уехал на заработки. Дочка продала общую с матерью квартиру и купила вместе с мужем дом в Болгарии. Живёт теперь в семье мужа, а отдыхать на море ездит — куда же мать забирать?

У самой Зинаиды деток не было. Зато был когда-то любимый мужчина, кумир, обожаемый Николая — известный оперный тенор, снизошедший однажды до своей самой преданной поклонницы, ставшей для него и женой, и служанкой, и обожательницей одновременно.

— Ах, какие подарки делал мне Николая... — вспоминала Зиночка всякий раз, получая свой благотворительный пакетик.

— Ага. Особенно после смерти тебе преподнёс... подарочек, — обрubiла её Анна Ивановна.

— Ну, зачем вы так... — осуждающе трясла кудряшками Зинаида. — Он святой человек... ему некогда было о таких прозаических вещах думать!

— Сама бы напомнила, — качала головой тётя Дуся. — Ну где это видано, тридцать годков на него положила, а как помер — так за дверь пошла! Сказала бы ему заранее: так мол и так, дорогой мой дружок Коленька, распишемся с тобой... не молоды мы уже, а вдруг что случится-то... Вот и случилось!..

— Как я могла? — залошнно вскрикивала Зинаида. — У нас были такие чистые отношения! А если бы он решил, что я меркантильна, что я

только ради его успеха или денег, квартиры? А я его обожала, обожала просто так, за его талант, и он — обожал меня!

Детки обожаемого Николая выгнали Зинаиду из дому на другой день после похорон. Они были наследниками. Она — никем.

— По закону ты — гражданская жена. Надо было в суд пойти, там доказала бы, что вы жили вместе столько лет. Квартира — это совместно нажитое имущество! — объясняла дурёхе Анна Ивановна. — А ты этим кровососам всё подарила!

— Ах, они просто всегда ревновали меня к отцу, вспоминали свою мамочку! Они ведь уже взрослые были, не смогли меня полюбить...

— Нет, ну как с ней разговаривать? Тьфу!

Зинаида только недоуменно смотрела на Анну Ивановну, и становилось ясно, что никогда они друг друга не поймут.

С Зинаидой можно было хотя бы поговорить. Раньше Веру Сергеевну интересовало всё: и про гастрологи, и про артистов, а главное — про разные страны, города, моря... Вера Сергеевна частенько представляла себе именно море. Глянцевая и одновременно живая поверхность воды — так и хочется провести рукой, погладить как нежную ткань. Нагретый за день песок, запах жары и свежести одновременно. Синее пространство перед глазами, только условно разделённое на небо и море, которые сливаются и вместе переливаются через горизонт к иному, загадочному и далёкому миру...

Анна Ивановна с тётей Дусей, если не затевали свары из-за пустяков, с энтузиазмом обсуждали лишь огородные дела да старые сплетни — приехали они из одного посёлка. Истории-то у всех здесь похожие. Дом у Анны Ивановны сгорел, муж умер ещё раньше, а к сыну она не пошла, хотя тот вроде звал. «Негде там у них. Да и не хочу, чтобы смотрели на меня — ждали», — отрезала Анна Ивановна. С невесткой они не ладили, сын выпивал частенько. Впрочем, её иногда навещали.

А вот Вере Сергеевне, действительно, грех жаловаться — вот её-то уж точно любили. И никто в том, что она здесь оказалась, не виноват. И жила она хорошо, не болела, и работала почти до восьмидесяти, и квартирка у них, хоть небольшая, но уютная имелась, и отдыхать целых три раза ездила: один раз в Анапу (на море!), два — в санаторий от профсоюза. Там, правда, даже речки не было... Могла и ещё поездить, подружка у неё в профкоме работала, да не хотелось семью оставлять, а потом дочери помогать пришлось. На работе Веру Сергеевну ценили, кто лучше её мог переплести огромный талмуд или красиво сложить чертежи? И муж достался хороший, не пил, не обижал, вот только рановато умер. Дочка, правда, со своим развелась, и квартиру пришлось разменять. Зять в коммуналку поехал, а они оказались в двадцати метрах втроём, с внученькой ещё. А потом и внучка подросла, вышла замуж, привела парня к себе. Кое-как ютились, ширмы двигали, на одной кровати с дочкой спали, ну а как Мишенька родился, так Вера Сергеевна сама и предложила — ну безвыходная же ситуация! Не хватало ещё, чтобы и от внучки муж ушёл... А дочь — и сама уж пенсионерка, но в детском садике её ценят, она там воспитательницей. Вот

скоро перед самым праздником забежит — раздавать персоналу коробки с конфетами, чтобы маму не обижали. Денег, правда, в садике платят мало, но зато конфеты к каждому празднику родители дарят. И сколько ей объяснять — ну не обижает никто здесь Веру Сергеевну. Уколы ей Тонькины не нужны, а остальные — они нормальных-то людей сразу видят, Вера Сергеевна ко всем приветливо, ну и они... И ничего, как-нибудь она тут, привыкнет постепенно. Только бы родным было хорошо. Нелегко им живётся, ох, нелегко... душа за них болит.

Точнее, болела. Не привыкла здесь Вера Сергеевна, как обещала дочери. Так и не смогла привыкнуть. Сначала очень муторно, плохо было у неё на сердце, крепилась она, занятия себе находила, кроссворды гадала, телевизор, когда работал, в красном уголке смотрела. А потом... всё остыло в ней, всё умолкло. Желания, чувства, мысли стали казаться далёкими, лениво их стало даже думать. И здоровье-то вроде не хуже, чем у других, ну слабость старческая, ну ногам тяжело, а так-то... Похудела Вера Сергеевна за этот год — второй её пребывания здесь, осунулась, разговаривать ей расхотелось — даже с Зинаидой. Мужчина один — довольно опрятный дед, не такой уж и старый, не затхлый-вонючий, как другие, а приличный человек, бывший диспетчер, приходил к ним порою в гости. Увлекался раньше оперой, вспоминали они постановки разные с Зинаидой, а поглядывал-то на неё, на Веру Сергеевну. Даже на аккордеоне играл. Да только вдруг разом всё надоело, ни на кого смотреть неохота. Даже дочке не радовалась — слишком больно стало ждать, встречаться, дотрагиваться до неё, а потом в окошко смотреть, смотреть, пока не скроется за поворотом родная фигурка...

— Помрёт скоро наша Сергеевна, — сказала как-то тихо тётя Дуся, думая, что Вера Сергеевна спит. — Вот так будет лежать, лежать... да помрёт. Вона, и сканворды свои не гадаёт уже. Может, растолкать её как али лекарство какое дать?

— Потому что тут или живут много лет, как грибы, или помирают на третий годок, как поймут, что это всё — ничего больше в жизни не будет, — объяснила Анна Ивановна.

— А ты как сама собираишься? — поинтересовалась тётя Дуся.

— Я — как гриб. Всех вас переживу.

— А зачем? — разволновалась Зинаида. — Зачем? Вот я — я не хочу долго жить. Но зато, сколько живу — столько останусь женщиной с большой буквы! Вот так опускаться и лицом к стенке лежать — нет... На меня Николая с неба смотрит. И он уже ждёт меня, я знаю!

— А затем, — отрезала Анна Ивановна, — что наука о том, есть ли что на твоём небе, молчит. И, может, Николая твой гниёт сейчас в яме, как и другие, а я туда не тороплюсь. Мне сверху по земельке ходить как-то покраше будет.

За подарком Вера Сергеевна не пошла. Но повернуться-таки повернулась. Молча наблюдала, как разбирают свои пакеты соседки. Каждый год — почти одинаковые наборы предметов: чашка, полотенце, колючие шерстяные носки, которые Вера Сергеевна терпеть не могла. Ночнушка или майка — это ещё ладно. А потом — кому что из добрых людей фантазия подскажет, кто-то мочалку положит, кто-то — расчёсочку.

— Ой, какая прелесть! — несмотря на прошлые зарубежные подарки Николая, Зинаида умела радоваться мелочам. — Какая косыночка... Вот помнится, мне как-то Николая привёз из Испании...

— Дуся, тебе полотенце не нужно? Мне золовка недавно такое же принесла, — предлагала обмен на расчёску Анна Ивановна.

Вере Сергеевне ничего этого было не надо. Дочка ей всё приносила: и полотенце домашнее весёленькое, и чашку, и салфеточку чистую на тумбочку, хотя и говорила ей Вера Сергеевна: не нужно. Глянешь на такую вещицу из дома, хранящую память о другой жизни, и сразу слёзы текут из глаз. Разве что просила всегда о свежей домашней наволочке.

Что касается новогодних подарков... Это вообще не по-настоящему, это — **отсюда**. Отсюда родом. Из скудного, тоскливого, обезличенного... В них есть, наверное, добро, но нету настоящего тепла — ведь они от людей, которые тебя знать-то не знают. Каждый год их привозят вместе с благотворительными памперсами. Вера Сергеевна, правда, иногда даже мечтала об этих памперсах — очень уж она ненавидела общий туалет. Пожалуй, одно сильное чувство всё-таки сохранилось у Веры Сергеевны, самое неуместное для её нынешней жизни — это брезгливость. Мыть туалет здесь, конечно, мыли, раз в два дня, но это сиденье, сломанное, желтоватое от впитавшейся за долгие годы мочи, этот серый кошмарный шнурок, этот скользкий пол — вечно кто-нибудь да сходит мимо, старичье ведь... Дочка покупала ей специальные накладки на унитаз, но и это не спасало от мерзких ощущений. Да ещё там постоянно треснуто стекло, постоянно холодно. И главное: запрещают запереться! Нет шпингалетов на дверях.

Заметив взгляд Веры Сергеевны, сердобольная Дуся тут же отозвалась:

— Сергеевна, мы для тебя просили подарок, но там, знаешь, строго: в одни руки один пакет. Наденька сказала, если чего останется, так тебе обязательно принесёт.

Вера Сергеевна чуть заметно кивнула.

— Встала бы ты, Сергеевна! Не болеешь ведь! — осуждающе покачала головой Анна Ивановна. — Чего разленилась-то так? Вон — погадай кроссворды свои, и то дело.

Тут и зашла к ним Наденька — их местный ангел.

— Верочка Сергеевна, вот, остался — маленький, правда, самый, никто и не взял, но знаете — ведь маленькое, может быть, и не хуже, а то и лучше, я подумала... Держите! С наступающим вас!

Наденька поставила на тумбочку пакетик. Вера Сергеевна постаралась изобразить благодарную улыбку — девушку нельзя было не любить.

— Ну, посмотришь, что там, Сергеевна? — подначивала тётя Дуся.

— Потом посмотрю, — разлепила губы Вера Сергеевна.

— Дай гляну, — протянула руку Анна Ивановна.

Неожиданно для самой себя шустро Вера Сергеевна схватила пакетик раньше.

— Нет, я сама, — твёрдо сказала она.

— Ну, вот и славненько, — обрадовалась тётя Дуся.

Анна Ивановна только бросила недоверчивый взгляд. Зинаида занялась своей косынкой. А Вера Сергеевна переставила пакетик в уголок между подушкой и стенкой и снова легла. Почему-то подарок заинтересовал её. Она стала представлять, что там может быть такое, и одновременно пыталась развенчать свои самые смелые мечты, чтобы не разочаровываться. Наверное, там носки — по весу как раз может быть... Или тоже косынка — свернута просто. На большее её фантазии не хватало, точнее, на реалистичное большее. Фантазия-то как раз пыталась подсунуть ей не только перламутровые шкатулки, красивые заколочки для волос, блокнотик с ручкой (канцелярские товары Вера Сергеевна обожала, хотя и не знала, что бы стала делать с этим блокнотиком), но и какую-нибудь прелесть вроде сувенирной крохотной куколки, например, с которой можно играть. Да, вот играть ей вдруг захотелось, как маленькой. Чтобы были у неё такие игрушки, которые сейчас есть у каждой девочки. Детская мебель, посудка, всё, как настоящее. А в её годы такого-то не было ничего. Вот, размечталась... прямо как ожила, что-то в голове стало вертеться, вспоминаться. А в пакетице-то наверняка просто бытовая чепуха. Пока соседки занялись разговором, Вера Сергеевна тайком ощупала подарок — в нём нащупывалось что-то квадратное, с твёрдыми углами. «Мыло», — подумала Вера Сергеевна. Ну, не шкатулка же в самом деле.

— На ужин пошли, Сергеевна! — снова позвала терпеливая Дуся.

— Сегодня Наденька дежурит, она принесёт, — ответила Вера Сергеевна.

Соседки ушли, а Наденька придёт только после того, как все поедят. Значит, у неё есть пятнадцать минут! С неслыханной ещё два часа назад резвостью Вера Сергеевна села, опершись о подушку, подняла колени, загоразивая просмотр от двери, да ещё и одеялом прикрылась и с замиранием сердца, ожидая страшного разочарования, извлекла из пакетика ещё один — целлофановый, в котором было что-то завернуто. Внутри оказались, действительно, носки — зато не шерстяные, а хлопчатобумажные. Действительно, мыло — но не обычное, а ручной работы, с запахом чёрной смородины, тут же наполнившим собой палату. Всё это уже радовало. А третий предмет... Сердце у Веры Сергеевны зашло. Она держала в руках блестящую серебристую коробочку — размером с то же квадратное мыльце, но со всех сторон гладкую. Только с одной стороны коробочки была ярко-синяя кнопка. И всё.

Вера Сергеевна сама не знала, чего так разволновалась. Предмет казался странным, необъяснимым, не походил ни на что, ранее ею виданное. Его назначение было скрыто, однако кнопка сама намекала на то, что главное

— в ней. Вера Сергеевна слыла женщиной неглупой, с техникой дружила, даже с современной — размножить, отксерить — всегда пожалуйста. Здесь надо подумать, но подумать не сейчас. Вера Сергеевна не будет такой дурочкой, как Дуся, и никакая Тонька до её подарка не доберётся. Эта вещь — личная, чувствовала Вера Сергеевна, это — для неё. Для неё одной, а не для Тоньки или её бедной глупой Лизочки. Значит, нужно хорошенько спрятать. Размер позволял положить вещь в карман халата, только поаккуратнее надо быть в туалете, не выронить.

К тому времени, как пришла с ужином Наденька и вернулись соседки, коробочка уже лежала глубоко в кармане у Веры Сергеевны, а карман был надёжно застёгнут на пуговку, да ещё укреплён сверху английской булавкой. Вера Сергеевна продемонстрировала остальным «обычные» подарки. Носки были раскритикованы — тонки. Мыло всем очень понравилось, все по очереди его понюхали, а Зиночка даже предложила Вере Сергеевне обмен на два простых. Вера Сергеевна не согласилась. Такое мыло нужно не для мытья, подумала она и спрятала его в тумбочку. «Всё равно Тонька заберёт», — вздохнула тётя Дуся. «Не найдёт, — Анна Ивановна была оптимистичнее и посоветовала: — Только заложил там какой-нибудь дрянью».

А на глазах у Веры Сергеевны даже выступили слёзы благодарности. Какие же всё-таки хорошие ей попались соседки — ведь могло и не повезти, а так — все приличные, порядочные, воспитанные люди. Ей даже совестно стало, что не показала им коробочку с синей кнопкой. Может, посоветовали бы что, объяснили. Но что-то говорило Вере Сергеевне: нельзя. Почему — она и сама не могла бы ответить. Никто, конечно, из её соседок на чужое не посягнёт и Тоньке её не выдаст. Но... Нельзя, вот и всё. Это тайное... личное.

Времени на размышления было много. Разум вскоре подсказал Вере Сергеевне ответ: скорее всего, коробочка эта — сигнализация для пожилых людей. Вот стало, к примеру, человеку плохо в туалете (Вера Сергеевна содрогнулась), тут надо успеть нажать на кнопку, раздастся громкая сирена, и все прибегут.

Это стоило проверить, но нажимать теперь, пугая соседок, после того как она скрыла от них подарочек, уже невозможно. Значит, надо сделать это там, где никого нет. То есть на улице.

Мысль эта сначала привела Веру Сергеевну в смятение. На улицу она не выходила уже месяца три... нет, больше. Последний раз — в сентябре, дочка заставила её подняться. А сейчас, зимой, вообще мало кто ходит — не у всех есть нормальная обувь, а у большинства нету сил. Но это надо сделать! И Вера Сергеевна начала готовиться.

На другой день после завтрака Вера Сергеевна заглянула в шкаф и нашла там свои старые брюки и тёплую кофту. Брюки оказались велики, но не страшно. Пальто предстояло получить, пальто у неё имелось. А вот что надеть под халат — какие-то колготки... где-то у неё лежали колготки... Вера Сергеевна зашарила в тумбочке. Соседки с удивлением переглядывались, задавали вопросы, а Зиночка так вообще хлопала в ладоши.

— Глядите-ка, Сергеевна помирать передумала! — добродушно констатировала тётя Дуся.

— Вот и правильно. Куда собралась-то, путешественница? — усмехалась Анна Ивановна.

— Да так... схожу, прогуляюсь, — туманно отвечала Вера Сергеевна. — Сколько на воздухе не была...

Вскоре все пошли на завтрак и от неё отстали. Вера Сергеевна не пошла. После завтрака сразу разрешена прогулка, надо успеть получить пальто. Да и выйти лучше сейчас, а то расспросы, взгляды, зачем это надо? Ещё увяжется кто за ней. Из соседок, правда, гулять ходила только Анна Ивановна. У тётя Дуси больные ноги, Зиночка не могла «выйти в люди в таких ужасных вещах» — её шубку и шапочку из чернобурки доедала моль. Анна Ивановна делала дежурный «променад здоровья», и общество Веры Сергеевны её не интересовало, но лучше не рисковать.

Всё складывалось в интересах Веры Сергеевны — даже дворник, а по совместительству вахтёр, столяр и электрик Митя отсутствовал. Бойко — кто мог бы подумать? — ковыляя по нерасчищенной бугристой дорожке (спасибо внученьке, её дутые сапожки совсем не скользят) подальше от крыльца, поближе к кустарнику, Вера Сергеевна продолжала напряжённо соображать. Если сильно станет орать приборчик — можно кинуть его в кусты, сказать, проходила мимо, услышала. Нет, не годится. Тогда предмет будет навсегда утрачен, а это её, родной, личный подарок! Лучше наврать, что сирену привезли ей две недели назад из дома, а сейчас, мол, неважно себя почувствовала, решила включить. Обругают, конечно — куда попёрлась, кто тебя обязан искать, но зато приборчик не отберут.

Слабость в ногах, наконец, дала себя знать. Вера Сергеевна встала за самым густым высоким кустом и отдышалась. Сидящие на ветках серые пташки, сливающиеся со скукоженной не опавшей листвой, даже не глянули на неё, продолжили свои разговоры. Вера Сергеевна сделала глубокий вдох, постаралась унять сердцебиение, достала свою коробочку из кармана, полюбовалась ярко-синей кнопкой и... нажала на неё. Сначала тихонько, потом, когда ничего не произошло, сильнее.

Мягкий синий свет, словно дымок, выползал из коробочки, хотя какие-либо щёлки или дырочки в ней отсутствовали. Не рассеиваясь, сгущаясь, окутывая, свет превратился в насыщенный цветом столб, окруживший Веру Сергеевну в радиусе полуметра. Точнее, она сама стала центром этого столба, словно её поместили в густую, ярко-синего цвета воду — такую, как она видела тогда в Анапе с прогулочного катерка, отплывшего подальше от берега.

Вере Сергеевна почему-то совсем не испугалась. Она словно знала, что всё идет так, как надо. Дышать стало легче, во всём теле тоже появилась почти детская лёгкость. Вера Сергеевна сделала шаг — столб сдвинулся

вместе с ней. Она сделала ещё несколько шагов и с изумлением поняла, что переместилась сразу метров на тридцать. Тут она испуганно замерла. Навстречу ей шёл дворник Митя, без лопаты, что-то осторожно придерживая за пазухой — видать, приобрел пол-литра в ближайшем ларьке. Дорожка была узкая, разминуться невозможно. Вера Сергеевна сделала безумный для её возраста скачок в сторону, прямо в снег — и почему-то не провалилась. Она уже придумывала, что сказать Мите, когда тот прошёл мимо неё, даже не заметив.

Вот так штуковина! Кто-то положил в благотворительный подарок волшебство — и досталось оно Вере Сергеевне. Нет, не так. Оно ей и предназначалось, она точно это знала. А вдруг... Вдруг Вера Сергеевна стала этим... ужас какой! — призраком? Эта мысль окатила её словно ледяным душем. Вера Сергеевна в панике нажала кнопку ещё раз. Синий свет тут же исчез, а Вера Сергеевна провалилась в снег по коленку.

Успокоившись, убедившись в обратимом действии волшебства, Вера Сергеевна снова включила прибор и снова ощутила лёгкость. Ей пришла в голову идея: если столб уходит высоко вверх — так что и конца не видно, может, и двигаться можно не только горизонтально? Главное, не увлечься и не покинуть атмосферу, решила грамотная Вера Сергеевна и аккуратно поднялась на метр над снежным покровом. Потом ещё на метр. Потом обошла по воздуху вместе со своим синим столбом всё учреждение по периметру — на это ей понадобилось не больше десяти секунд. Именно обошла, а не облетела — двигать при этом надо было ногами, а руками можно только чуть помочь.

Куда же ещё податься? Ответ пришёл сразу же. Сколько Вера Сергеевна уже не видела внучку? Та ведь сидит с малышом, а он часто простужается, разве поедешь с таким за город на электричке? И так захотелось ей повидать мальчика, посмотреть, какой он стал...

Не успела Вера Сергеевна принять решение, как обнаружила себя вместе с синим столбом прямо в подъезде, рядом с дверью своей квартиры. Умная Вера Сергеевна тут же нажала на кнопку, столб света пропал, и она теперь просто стояла под дверью и жала уже на кнопку звонка.

Внучка держала на руках двухлетнего Мишеньку.

— Бабулечка! — изумлённо воскликнула она.

Вера Сергеевна сообразила, что может напугать — решат ещё, что она навсегда, что сбежала из богадельни.

— Радость моя, я на полчасика, меня тут подвезли, — поспешила объяснить она. — Вот, водитель поехал за продуктами, я и напросилась. А на обратном пути заберёт.

— Ой, как замечательно! — всплеснула руками внучка.

Они расцеловались.

— Хоть увижу тебя, бабуленька! Так соскучилась... Мишенька, Мишенька, смотри — это бабулечка Вера, она тебя навестить приехала.

Мишенька сразу доверчиво протянул Вере Сергеевне пухлые ручки.

Они попили чайку, Мишенька посидел у Веры Сергеевны на коленках, даже назвал её «бабой», а внучка принялась собирать ей с собой сладости, что-то из одежды поновее, из своего. Вера Сергеевна с удовольствием взяла берет из ангорки — никогда не любила она старческих деревенских платков, а от других вещей как всегда отказалась.

Но про время не забывала — неизвестно откуда в ней появилось ощущение, что надо следить за часами, что чудо ограничено. Где-то через час она забеспокоилась, стала собираться. Глянула будто в окошко: «Вот и за мной приехали». Словно знала, что внучка проверять не пойдёт. Мишенька тут как раз запросился на горшок. Вера Сергеевна расцеловала своих ненаглядных, передала привет дочери и торопливо вышла. Спустилась на этаж ниже, нажала на кнопку — и оказалась почти перед самым крыльцом учреждения. Быстро огляделась по сторонам — как будто специально: никого. И вошла в здание.

С этого момента жизнь Веры Сергеевны изменилась. Такого чувства свободы у неё никогда раньше не было, у неё не просто вернулся интерес к жизни — этих интересов становилось всё больше и больше. Она ощущала себя птицей, впервые выпущенной из клетки. Волшебный прибор будто сам подсказывал правила пользования чудесами. Исчезать можно только оттуда, где никто не видит. Но возвращал прибор всегда так, что никого в этот момент поблизости не находилось. И отсутствия Веры Сергеевны никто не замечал, тем более что все привыкли, что она опять стала гулять по улице, ходить по коридору, стоять у окна, сидеть в красном уголке. Правда, там частенько оказывалась Лизочка, но она была так занята порчей книжек, что Вера Сергеевна пару раз исчезала прямо при ней, а та и внимания не обратила.

Даже туалет уже не пугал её — из него можно было быстро, не выходя на улицу, улететь на свою прогулку.

Часто посещать родных казалось опасным — ну кто бы поверил, что одну из старух регулярно подвозят до дома? Но не пользоваться своим приборчиком Вера Сергеевна уже не могла. Любопытство её сначала вело себя скромно. Вера Сергеевна слетала в Москву, посмотрела, как изменилась столица. Но в Москве было холодно, и Вере Сергеевне захотелось снова побывать на море, как когда-то в Анапе. На свете ведь ещё много красивых мест, а кроме Чёрного — столько морей! Географию Вера Сергеевна знала не очень хорошо, пришлось в очередное посещение внучки полистать старый атлас, книжки про достопримечательности да попросить у дочери пляжные шлёпки-мыльницы, якобы для душевой.

Вера Сергеевна подошла к делу с умом. Она разработала маршрут. Летала раза два в неделю, не чаще — всё-таки опасалась постоянно отсутствовать. Побывала Вера Сергеевна в Испании, о которой так много рассказывала Зиночка, посмотрела Гранд-каньон в Америке, зашла в

грандиозные соборы Рима. Даже в Африке побывала — интересно же, какая она, эта Африка, какие они — эти пальмы. В Индию слетала, посмотрела на буддийские храмы и темнолицых женщин в ярких сари. Каждый раз, приземляясь в новом месте, она не могла дышать от восхищения. Всё это поражало, вдохновляло, занимало воображение и, главное, казалось гораздо реальнее, чем железная кровать в богадельне и манная каша с комками. Какая же интересная эта планета, сколько можно на ней увидеть, какое всё разное, какой цветной мир, сколько необычного есть в природе, сколько загадочной, непостижимой уму красоты создали люди! Камчатка, например, эти кратеры — это же как на Марсе! А родной Санкт-Петербург с его Исаакиевским, Спасом на крови, с его мостиками, каналами и суровой стальной Невой — город, до которого она в своей прежней жизни так и не добралась? А собор святого Вита, а Саграда Фамилия? Где-то люди живут богато, где-то бедно, где-то им хорошо, где-то плохо, но ведь красоту-то никто не отменял... А сколько впереди ещё всего — на её век хватит, лишь бы успеть. Возвращаясь, она чувствовала себя в палате просто гостьей, которая в любой момент может ускользнуть в настоящий большой мир.

Но больше всего её притягивало море. Разные моря. Вера Сергеевна всё чаще, прилетев на место, выключала прибор и ходила, как все, по побережьям, любовалась закатами, вдыхала запахи местной кухни. Денег у неё, конечно, не было, но ей и не надо было ничего, только смотреть, впитывать — запахи, ощущения, картинки.

Однажды, кажется, на Лазурном берегу, уже ближе к весне, с ней случилась небольшая история. Вера Сергеевна загулялась и не сразу заметила, что вышла на людное место. К ней подошёл полицейский и вежливо попросил следовать за ним. Почему-то Вера Сергеевна отлично его поняла, хотя он говорил по-французски. Исчезнуть прямо на его глазах показалось неприличным, а время ещё позволяло. Полицейский отвёл Веру Сергеевну в отделение, а потом за ней приехала симпатичная приветливая дама, посадила её в машину и привезла в чудесный особнячок, вокруг которого были разбиты сады, а в садах играли фонтаны. Вокруг фонтанов стояли скамеечки, на которых сидели пожилые люди — разговаривали, улыбались друг другу. Наверное, санаторий или пансионат...

В особнячке Веру Сергеевну опросили — кто она и откуда. Она только молча улыбалась, чтобы не врать. Видимо, там решили, что она потеряла память, а может, и речь.

— Ничего, не расстраивайтесь, — успокоила её милая дама. — Завтра с вами поговорит наш доктор, он вам поможет, а пока отдыхайте.

Её отвели в отдельную комнату, небольшую, но светлую, с красивыми шторами на огромном окне, с балкончиком и с отдельным, своим санузлом! Вера Сергеевна полюбовалась комнаткой, вышла в сад через собственную дверь и присела на скамеечку рядом с очень старой чистенько одетой женщиной.

— Новенькая? — поинтересовалась женщина. — У вас, наверное, тоже родных нет. У кого есть, те в таких заведениях не живут... тех в приличные места отправляют. А мы тут бесплатные, благотворительные.

Вера Сергеевна очень удивилась. Место показалось ей не только приличным, но и просто чудесным, даже по сравнению с престижным санаторием в Анапе. Ей ужасно захотелось остаться здесь. В конце концов — разве не может она остаться, а прямо отсюда навещать Мишеньку и внучку?

Но словно что-то — или кто-то — подсказал ей: нет, не может. Приборчик действует определённое время. Сейчас — дольше обычного, чтобы она могла выбрать. Но если по его истечении она не вернётся, как золушка с бала, то останется здесь навсегда. И, значит, Мишеньку никогда не увидит. Да и Зину, и тетю Дусю, и Наденьку...

И Вера Сергеевна, уединившись в сверкающем чистотой туалете, полюбовалась блестящей раковиной, розовым унитазом, вздохнула — и нажала кнопку.

С этого дня Веру Сергеевну стала мучить совесть. Она столько радости узнала, дышала морским воздухом, наслаждалась прибоем, сидела под пальмами, а её «сокамерницы» ничего такого и в жизни своей не видали. Уж и так она думала, и эдак, как можно сделать... Вдвоём в луч не поместиться, это она точно знала. Может, отправить кого вместо себя разок-другой, но кого? Кому она могла бы довериться, а главное — доверить драгоценный прибор?

Разговор с соседками она завела издалека.

— Зиночка, — спрашивает, — ты бы хотела в свою любимую Испанию съездить, или на море куда? Вот предложи тебе прямо сейчас — согласилась бы?

— Что ты, Верочка, — вздохнула Зинаида. — Я всегда мечтала, но меня с Коленкой не выпускали. А без Николая — что мне там делать, только слезами обливаться... Да и в люди не в чем выйти — разве же я могу в таком виде?

— Нечего тут баламутить, — посуровела Анна Ивановна. — Мало ли чего кто не видел. Я вот никогда не увижу, и не надо мне. Где родился — там и пригодился. А так только завидовать охать да вздыхать, что ничего, кроме огорода, в жизни и не было. Нет, хоть силком тащи — не поехала бы.

— А ты, Дуся? Знаешь, какой в Барселоне фонтан? Цветной, музыкальный, высокий — аж до неба достаёт. И все люди так радуются...

— Тебе-то откуда знать? — влезла Анна Ивановна. — Ну и фантазёрка же ты, Сергеевна!

— Да я, коль силы бы были, не прочь, — задумчиво ответила тетя Дуся. — Вот только права Ивановна. Как увидишь, чего не видала, красоту всякую, а поздно уже. Не, лучше так и не знать никогда. Да и у нас тут красоты много. Вот сейчас весна придёт, тюльпанчики вылезут, я ещё

подсажу однолеток... Разве что... — тётя Дуся замешкалась, — в Болгарию, к дочке...

Баба Дуся помолчала, потом лицо у неё скукожилось, стало похоже на мочёное яблочко.

— Нет, не хочу. Не нужна мне их Болгария. Раз я ей — не нужна, — и она отвернулась.

В начале июля, когда бы гулять да летать, Вера Сергеевна заболела. Случилось это неожиданно. Прилетела она с Балтики, приземлилась в туалете и вдруг потеряла сознание. Так её и нашли на холодном кафельном полу. Пролежала, видать, долго — подхватила воспаление лёгких, а для старого человека это уже приговор.

Болезнь её совсем обездвижила, мысли путались. Где её любимый прибор, Вера Сергеевна не знала, и только это и беспокоило её в редкие часы просветлений. В кармашке его не оказалось, наверное, выпал из рук, когда её нашли. Без прибора Вера Сергеевна вновь стала старой, беспомощной. Сил поправляться не осталось.

Как-то она ненадолго пришла в себя, в голове немного прояснилось. Лежала она всё в той же «палате», рядом сидела сердобольная тетья Дуся.

— Ну что, Сергеевна? Перегуляла ты, чё ли? Взяла да и разболеласи... — тётя Дуся погладила её по голове. — Все кашляешь, хрипишь...

— Попала в сезон дождей, продуло, ветрище такой... — жалобно отозвалась Вера Сергеевна.

— Какой, етить, твою налево, сезон дождей? Плюс двадцать пять, неделю уж погода стоит.

За окном, и правда, ярко светило солнце.

— Бредит, — слышался голос Анны Ивановны. — Ты, знаешь, Сергеевна, или уж поправляйся, давай, или помирай. А то Тонька уже матерится по-страшному, да и мы подустали. Ну а в больницу тебя никто не возьмёт — статистику смертностью портить.

— Что вы такое говорите, Аннушка! — раздался звенящий голосок Зинаиды. — Разве так можно?

— А можно, как утку вытаскивать, так ты, Зиночка, за носик хватаешься и из комнаты вон? — разозлилась Анна Ивановна.

— Коробочка... приборчик... где? — из последних сил выговорила Вера Сергеевна и снова провалилась в забытье.

— Это она про что? — удивилась тётя Дуся. — Мобуть, про ту картонку — фольга с пластилином, которую у неё в руках нашли? Вон, в тумбочку я прибрала.

Анна Ивановна открыла тумбочку Веры Сергеевны и достала плохо склеенную картонную коробку, отделанную пищевой фольгой. В коробку была криво вставлена синяя кнопка от дверного звонка, утопающая в пластилине.

— Странная какая-то Верочка была последнее время, — задумчиво глядя на предмет, произнесла Зинаида. — Всё сидит на одном месте или у окошка замрёт, руку в кармане держит, эту штучечку, значит, хранила? Глаза куда-то вдаль, обращаешься к ней — и не слышит. Да всё о морях говорила — мечтала, наверное...

Тут дверь с толчка распахнулась, и в палате появилась Тонька-медсестра.

— Не сдохла ещё бабка ваша? — с порога поинтересовалась она. — Я там, это, с Лизкой еду к врачу в райцентр. Смотрите мне, чтобы больная чистая была, утку не забывают. Приеду — ночью мыть не стану, сами будете ползать, кошёлки. А это чего у вас?

Тонька уставилась на коробочку.

— Подложила-таки, дрянь малолетняя! — выплюнула она.

— Кто подложил? — изумилась Зиночка.

— Да Лизка моя. Второй год клеит коробки свои, в подарки благотворительные подкидывает. Так она этот мусор вам засунула, получается? Давай сюда! Уж я ей сейчас вставлю!

Тонька выхватила «прибор» из рук Анны Ивановны и была такова.

В день, когда Веру Сергеевну хоронили на местном кладбище, погода стояла серая, но дождя не предвиделось, и никто из ходячих от мероприятия не отказался. Старики и старухи обсуждали, хорош ли крест, да как «пошёл» гроб, да кто из родных приехал — всё какое-то разнообразие.

Из родных были только дочка и внучка, Мишеньку оставили дома с отцом. Повариха Наденька к этому времени из приюта уволилась, ездила в город учиться, но попрощаться с Верой Сергеевной всё-таки пришла. Пришла даже Тонька, а за ней притащилась, ковыряя в носу, неопрятная Лизочка. Зинаида, не стесняясь, плакала, тётя Дуся тоже вытирала слёзы. Анна Ивановна стояла сурово и раскваситься себе не позволила.

— Когда меня будете класть, проследи, Дуся, чтобы невестка фотографию под стекло убрала, а то дождями размочит, — предупредила она. — Всё в тумбочке приготовлено, не забудь. Хотя, что я говорю, ты ведь раньше меня помрёшь.

Наконец всё было закончено, земля приросла свежим холмиком с новеньким деревянным крестом. Народ потихоньку разбрехался, кого-то подсаживали в старый Узик, кто-то, у кого ноги покрепче, захотел пройтись пешком. Самой последней плелась Лизочка. Мать тянула её за руку, не оглядываясь, но в какой-то момент отпустила, сцепившись, как обычно, из-за чепухи с дворником Митей, которому тоже — палец в рот не клади.

Лизочка остановилась и обернулась на холмик с крестом. Серое небо почти сливалось с бесцветной мрачной землёй. Даже распутившаяся зелень казалась тусклой под этим тяжёлым давящим небом. Лизочка привычно вытерла рукавом сопли, сунула руку в карман, достала картонную коробочку,

оклеенную фольгой, и посмотрела на холмик своими бессмысленными глазами.

— Ну, давай, старая клюшка! Готова? — просипела она.

Лизочка нажала на кнопку. Синий-синий свет, выросши прямо из холмика, столбом рванул в серое небо, раздвигая тучи и уходя куда-то прямо сквозь них. Какое-то время внутри столба двигались по спирали, уплывая вверх, яркие волны, а потом синий свет взметнулся стрелой ввысь и исчез в небесах.

Лизочка сунула приборчик в карман, заморгала белёсыми ресницами и, бормоча себе под нос обычную околесицу, пошла догонять Тоньку.